

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19; 07.00.03

И. В. Грибан

Екатеринбург, Россия

I. V. Griban

Ekaterinburg, Russia

**«КОНТРОВЕРЗА ГОЛДХАГЕНА»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ В КОНТЕКСТЕ
МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**“GOLDHAGEN CONTROVERSY”:
HISTORIC DEBATE IN THE CONTEXT
OF MEDIAPOLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается историческая дискуссия вокруг книги американского социолога Д. Й. Голдхагена «Верные пособники Гитлера. Обычные немцы и Холокост». Данная дискуссия вышла далеко за рамки общения профессиональных историков, затронув широкие круги общественности. В статье охарактеризованы основные этапы развития дискуссии и ее влияние на процесс «преодоления прошлого» историками и обществом ФРГ.

Abstract. The article is devoted to the historical debate about the book by the American sociologist D. Y. Goldhagen “Loyal supporters of Hitler. Ordinary Germans and the Holocaust”. This debate has gone far beyond the communication of professional historians, affecting the general public. The article describes the main stages of the debate and its impact on the process of “overcoming the past” by historians and the society of FRG.

Ключевые слова: «контroversa Голдхагена»; «преодоление прошлого»; медиаполитический дискурс; национал-социализм; холокост.

Key words: “Goldhagen controversy”, “overcoming the past”, mediapolitical discourse, National Socialism, the Holocaust.

Сведения об авторе: Грибан Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории, директор музея истории УрГПУ.

About the author: Griban Irina Vladimirovna, Postgraduate Student of the Chair of General History, Director of the Museum of USPU History.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: gribanirina@gmail.com.

Проблема соотношения памяти, прошлого и настоящего не раз в XX в. побуждала историков «скреплять копыта». Особенно часто это происходило в Германии — стране, в которой появился уникальный по своей сути и значению для историографии термин «Vergangenheitsbewältigung» («преодоление прошлого»).

На протяжении 1980—2000-х гг. в Германии регулярно возникали историко-политические дискуссии, выходившие за рамки общения профессионалов-историков и широко обсуждавшиеся общественностью. Речь чаще всего шла о Гитлере или его приближенных либо вообще о том, что связано с нацизмом. Так, в 1979—1980 гг. разгорелись дискуссии о сериале «Холокост», после просмотра которого тысячи немцев столкнулись с вопросом: «Как это чудовищное, немыслимое зверство могло произойти?» [Broszat 1979; Im Kreuzfeuer 1979]. В 1983 г. западногерманский еженедельник «Stern» опубликовал скандално известный «Дневник Гитлера», вызвавший неоднозначную реакцию в обществе. В 1983 г. на выборах в бундестаг потерпела поражение Социал-демократическая партия Германии, к власти вернулись христианские демократы, провозгласившие «смену вех» и «морально-политический поворот» в развитии Федеративной Республики. Канцлер Гельмут Коль заявил о необходимости «возвращения к германской истории», понимаемой исключительно в «позитивном смысле», чтобы «снять с Германии вину», связанную с нацистской диктатурой [Was uns 2011 erwarten...]. В этой обстановке особое значение приобрела парламентская речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, провозгласившего 8 мая 1945 г. не «днем катастрофы», а «днем освобождения» [Zum 40]. Речь Вайцзеккера «совпала с веянием времени и настроениями критически настроенной

общественности», соединив в себе «интегративные и критические компоненты» [Борозняк 2009]. Выступление Вайцзеккера было своеобразным прологом к дискуссии, которая разгорелась в 1986—1987 гг. и получила название «спор историков». Ключевыми в этой дискуссии стали вопросы о происхождении нацизма и вине немцев за преступления нацистского режима. В 1988 г. начались дебаты о «стене памяти» в Берлине, которые длились 11 лет. В 1993 г. интерес общественности к истории привлек фильм «Список Шиндлера». Однако наиболее масштабной и продолжительной была дискуссия, вызванная книгой американского социолога и политолога Даниэля Йоны Голдхагена «Верные пособники Гитлера: обычные немцы и Холокост» [Goldhagen 1996c]. Появление этого труда в 1996 г. побудило немецкое общество в очередной раз вернуться к непростым вопросам из прошлого.

Ученый вновь поднял вопрос о том, как произошел холокост и почему он стал возможным именно в Германии. Почему Гитлер на пути к своей цели — истреблению евреев — нашел так много сторонников и так мало противников? Как могли немцы совершать и допускать такое беспримерное преступление? Так звучали вопросы, прежние ответы на которые Голдхаген считал неубедительными. Голдхаген подчеркивал, что антисемитизм имел место и в других странах, однако только в Германии в 1930-е гг. были выполнены три условия: у власти находились самые радикальные антисемиты в истории, большинство населения не любило евреев, государство имело в распоряжении необходимые ресурсы, вследствие чего стало возможным развязывание войны и массовое уничтожение евреев. Необходимость выполнять приказы была простым прикрытием, защитной реакцией для убийц. Принуждение, приказ объяс-

няют поведение отдельных лиц, но не всего общества. Голдхаген выдвигает тезис, что действия немцев были обусловлены не столько принуждением или подстрекательством, сколько внутренними убеждениями. Немцы не были вынуждены убивать евреев, они делали это по собственной воле, они были добровольными пособниками: «Общество, которое в период с 1933 по 1945 г. сердцем и душой придерживалось антисемитизма, само было антисемитским» [Там же: 120].

В центре внимания Голдхагена не жертвы, а убийцы, не «кабинетные преступники» (должностные лица, отдающие распоряжения о совершении преступления), а те, кто входил в состав айнзатцгрупп и полицейского батальона, был сотрудником охраны в лагерях, кто, как и солдаты вермахта, принимал прямое участие в акциях уничтожения. Особое внимание Голдхаген уделяет описанию деятельности немецкого полицейского батальона, который функционировал на территории Польского генерал-губернаторства: выискивал живущих там евреев, пытал, расстреливал или отправлял в лагеря смерти [Там же: 243—325]. На основе анализа материалов послевоенных судебных процессов против членов этого батальона Голдхаген выявил, что эти люди не вынужденно, стыдливо и под нажимом совершали свои деяния, а напротив, делали это добровольно и исключительно рьяно, с гордостью и убеждением, что они поступают верно. Это происходило, потому что немцы видели в своих жертвах не людей, а зло, которое должно быть устранено, подобно злокачественной опухоли. При этом они не были закоренелыми нацистами. Батальон состоял из добровольцев — среднестатистических граждан, которые были слишком стары для призыва на фронт и политическая социализация которых состоялась задолго до прихода Гитлера к власти. Они не были представителями ослепленной молодежи, они были совершенно обычными немцами — отсюда и заголовок книги Голдхагена. Отношение членов батальона к евреям показывало, по мнению Голдхагена, каким бесспорным и ярко выраженным был выращиваемый столетиями элиминаторный антисемитизм в Германии и каким маленьким оказался шаг от просто негативного отношения к евреям к зверскому их уничтожению.

Без готовности сотен тысяч немцев, которые непосредственно приняли участие в геноциде или в той или иной степени его поддержали, уничтожение европейских евреев не было бы до такой степени масштабным и беспрепятственным. Обосновывая свое мнение, Голдхаген подчеркивает: «Доклады агентов полны сведений о недовольстве немцев, об осуждении ими различных постановлений режима. Однако никто не подвергал критике антиеврейскую политику режима. Совершенно очевидно, что немцы оценивали акции нацистов, исходя из собственных взглядов и ценностей, и уже то, что они не выступали против антиеврейских акций, весьма показательно. Более того, они проявляли рвение. Это были люди, принявшие охотно убивать евреев, делавшие даже больше, чем от них требовалось» [Блюм].

Холокост — это для Голдхагена преступление не только нацистов (или только СС), а вообще

всех немцев. Голдхаген отмечает, что были и исключения: не каждый немец разделял такие взгляды, не все помогали режиму, многие так или иначе ему противостояли. Некоторые фактически помогали евреям: «Я не берусь делать какие-то обобщения, касающиеся немецкого народа в целом, можно говорить о немцах индивидуально, о немцах, воспитанных в духе специфичной культуры» [Goldhagen 1996c: 535]. Главный тезис и вывод Голдхагена таков: врожденный немецкий антисемитизм был главной причиной холокоста.

Тезисы Голдхагена вызвали бурную реакцию не только профессиональных историков, но и всего немецкого общества. Эта дискуссия была предельно политизирована. Ее особенностью стало то, что споры велись в основном на страницах средств массовой информации, которые обладают более сильным воздействием на людей, чем отдельные исторические труды, издающиеся небольшим тиражом.

Обсуждение велось на страницах периодических изданий федерального и регионального уровня, еженедельных и ежемесячных газет и журналов как в старых, так и в новых федеральных землях. Издания, в которых регулярно появлялись публикации, посвященные Голдхагену, можно разделить на несколько групп:

1) **ежедневные газеты** («Aachener Nachrichten», «Berliner Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Frankfurter Rundschau», «Junge Welt», «Sächsische Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Tageszeitung», «Welt»);

2) **еженедельные газеты** («Das Sonntagsblatt», «Das Parlament», «Der Schlesier», «Deutsche National-Zeitung», «Die Woche», «Focus», «Freitag», «Jungle World», «Der Spiegel», «Wochenpost», «Die Zeit»);

3) **ежемесячные журналы** («Blätter für deutsche und internationale Politik», «Deutsche Archiv», «Die Brücke», «Kommune», «Konkret», «Links», «Morgengrauen», «Mut», «Spex», «Staatsbriefe»).

Дискуссия вокруг контroversы Голдхагена, начавшаяся в конце марта 1996 г., развивалась с различной интенсивностью на разных этапах. Интересен тот факт, что в Германии дискуссия была спровоцирована еще до публикации переведенного на немецкий язык издания книги Голдхагена — статьей Ф. Ульриха «Немцы — верные соучастники Гитлера. Книга провоцирует новый спор историков» [Ulrich 1996a]. Автор дает короткий и критичную характеристику книге и сделал вывод: «Несмотря на всю неоднозначность, речь идет об очень важной, достойной публичного обсуждения книге. Радикальность, с которой Голдхаген раскрывает свои тезисы, вынуждает к пересмотру существовавших ранее убеждений... То, каким образом будет встречена эта тревожащая, будоражащая книга, покажет уровень исторического сознания в нашей республике» [Там же: 92].

После сдержанной критики в конце марта 1996 г. последовал бурный медиарезонанс, вызванный первой официальной публикацией отрывков книги Голдхагена в «Die Zeit» [Goldhagen 1996b]. Буквально за одну неделю были сформулированы основные контраргументы против версии Голдхагена. Как сомнительные и провокаци-

онные оценили поначалу не сами тезисы Голдхагена, а его отношение к предшествующим исследованиям проблем холокоста, а также стиль изложения [Browning 1996; Creig 1996; Gilcher-Holtey 1996]. Так, главным упреком известного историка Х. Моммзена в адрес американского социолога было то, что «книга Голдхагена игнорирует результаты предыдущих исследований и не открывает принципиально новых данных», возвращая исследователей на уровень 1950-х гг. [Mommssen 1996b]. Другой влиятельный историк, Э. Экель, назвал труд Голдхагена «просто очень плохой книгой» [Jäckel 1996]. Критики Голдхагена подчеркивали, что антисемитские настроения в XIX и начале XX века были сильны не только в Германии. Они указывали на «Дело Дрейфуса» во Франции и на еврейские погромы в царской России. Кроме того, критике подверглось сосредоточение внимания автора на истреблении евреев, в то время как политика на оккупированных территориях, направленная на уничтожение славянских народов, игнорировалась [Herbert 1996; Ulrich 1996b; Ulrich 1996d; Wehler 1996].

Возмущение вызвал и главный тезис об элиминаторности немецкого антисемитизма. Либеральные и правые круги общественности и науки восприняли книгу Голдхагена как попытку возродить теорию о коллективной вине немцев за преступления нацизма. В одной из статей, опубликованной в «Der Spiegel», прозвучала такая мысль: «Люди должны покаяться: нацистская теория коллективной вины евреев после поражения в 1945 г. временно обернулась против немцев. Американский историк Д. Голдхаген вновь возродил ее» [Herbert 1999; Sentker 1996].

Дебаты продолжались сравнительно активно до начала лета. Постепенно споры сосредоточились вокруг самой идеи о «вине немцев», а не вокруг конкретных положений теории Голдхагена.

Вторая фаза дискуссий началась после публикации книги Голдхагена на немецком языке 6 августа 1996 г. [Goldhagen 1996b]. В сентябре 1996 г. Голдхаген совершил турне по Германии и предстал в разных городах перед напором своих критиков. Во время этого турне («Die Zeit» назвала его триумфальным) тысячи людей приняли участие в публичных дискуссиях [Ulrich 1996c].

На встречах с читателями Голдхаген всегда задавал три вопроса: «Что исполнители знали о своих жертвах? Верили ли они в то, что делают правое дело? И если верили, то каким образом убедились в своей правоте?» По поводу критических выпадов в свой адрес Голдхаген отмечал: «Я верю, что в Германии достаточно много людей, желающих честно проанализировать проблему. Что же касается тех, кто хотел бы „замести ее под ковер“, то они, разумеется, не станут всерьез участвовать в дискуссии. К сожалению, многие немцы посылают в газеты темпераментные письма, не содержащие убедительных аргументов» [Goldhagen 1996a].

Преимущественно молодые представители левой и леволиберальной общественности горячо поддержали американского политолога. И это был очевидный парадокс, поскольку критиками Голдхагена в научных кругах были представители ле-

волиберального лагеря историков, многие из которых долгие годы посвятили интенсивным исследованиям нацистского режима и холокоста, в первую очередь Ханс Моммзен и Эберхардт Экель, одними из первых выразившие критические мнения [Herbert 1999; Mommssen 1996a]. Этой отправной точкой, заданной периодическими изданиями, — «Die Zeit», «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Welt», — курс обсуждения контroversы Голдхагена был уже определен.

Осенью 1996 г. под редакцией директора Центра европейско-еврейских исследований Потсдамского университета Ю. Шопса вышел сборник статей англо-американских и немецких авторов, посвященных труду Голдхагена [Schoeps 1996]. Отмечалось, что «это уникальный случай, когда книга зарубежного автора привлекла к себе такое внимание историков и общественности. Голдхаген своей книгой вызвал дебаты, которые оказались глубже и значимее, чем та проблема, которую он раскрывает в исследовании — дебаты оказались важнее, чем сам предмет обсуждения» [Wieso kann...].

Дополнительную политическую остроту дискуссиям придавал агрессивный протест политического деятеля П. Гаувайлера в газете «Bayernkurier» — официальном партийном печатном органе Христианско-социального союза. Враждебное выступление Гаувайлера призывало открыть глаза на левых и их обращение с историей. Дебаты продолжились и после этого выпада. Тем временем настроения в обществе изменились. Общественный подъем достиг апогея после вручения Д. Голдхагену демократической премии журнала «Blätter für deutsche und internationale Politik» за заслуги перед немецкой демократией. Естественно, это событие сопровождалось рядом публикаций [Habermaas 1997].

Уже в марте 1997 г., вскоре после вручения Голдхагену демократической премии, в Кембриджском историческом журнале была опубликована острая критическая статья эксперта канадского министерства юстиции по военным преступлениям и преступлениям против человечности Р. Б. Бирн [Birn 1997; Holocaust als Andachtsbild]. Медиатемой это сообщение стало месяцем позже, когда Голдхаген обратился к адвокатам с просьбой принять меры против автора статьи.

Новый этап споров вокруг контroversы Голдхагена начался в августе 1997 г., когда «Spiegel» опубликовал интервью ответственного редактора Р. Аугштайна с Голдхагеном. Интересно, что в начале дискуссии Аугштайн выступил с резкой критикой Голдхагена, а затем изменил свое мнение [Augstein 1996; Was dachten die Mörder...]. «Подогрела» дискуссию публикация обстоятельной статьи американского политолога Н. Финкельштейна, который поддержал Р. Б. Бирн, выразив сомнения по поводу научности работы американского социолога [Alles und nichts erklärt; Finkelstein, Birn 1998; Goldhagen — ein Quellentrickser; Naumann 1997; Ulrich 1997].

Параллельно с «медийными битвами» осенью 1997 г. были опубликованы две новые книги по этой теме: «Письма Голдхагену» и особенно значимая для дебатов «Голдхаген и немецкие ле-

вые» [Briefe an Goldhagen... 1997; Goldhagen und die deutsche Linke... 1997]. По мнению авторов, заразная политика отрицания вины подспудно определяет повседневную политическую ситуацию: «Отказ немецких левых воспринимать теорию Голдхагена реалистично (и самокритично) наталкивает на вывод о том, что процесс вытеснения из памяти „неудобных вопросов“, характерный для послевоенного немецкого общественного сознания, проникает в настоящее и будет передаваться новому поколению» [Küntzel 1997].

К концу 1997 г. наступило время осмысления самой дискуссии и причин, ее породивших, а также перспектив дальнейших исследований проблем, затронутых Голдхагеном, что нашло отражение в ряде аналитических статей в специализированных исторических журналах [Benner, Köster 1997; Pohl 1997; Schneider 1997].

Летом 1998 г. был издан сборник статей, в котором проводился анализ реакции общественности на книгу Голдхагена в Европе и США и подводились итоги дискуссии [Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit... 1998]. Вопросов возникало немало: что позволило Голдхагену, написавшему «очень плохую книгу», спровоцировать столь бурную реакцию как в среде историков, так и в обществе? Чем отличалась эта реакция? Какие выводы об историческом сознании в современной Германии можно сделать на основе анализа этой дискуссии?

Прежде всего следует отметить, что, с одной стороны, труд Голдхагена стал методически и содержательно своеобразным фоном, контрастом для рецензий на другие исследования о нацизме. С другой стороны, работа Голдхагена послужила стимулом для появления новых исследований, посвященных нацизму или уничтожению евреев. Тема, затронутая Голдхагеном, самым тесным образом связана с проблемами политики памяти, коллективной вины и преодоления прошлого, поэтому контрверзу Голдхагена и дискуссии вокруг нее можно считать этапом культурно-исторического развития.

Чем объясняется популярность и одобрение Голдхагена в общественных кругах, особенно во время его турне по Германии? Интересное объяснение этому феномену дает У. Герберт: во-первых, сработал механизм «Враг моего врага — мой друг»; во-вторых, могло оказать влияние мнение «Если вы не на моей стороне в дебатах об „обычных немцах“, значит, вы — один из них» [Herbert 1999].

Другим фактором, которым можно объяснить положительную реакцию в различных слоях немецкого общества, является сама манера изложения материала в книге. Голдхаген описал убийства так широко и подробно, что создал ауру «радикального преступления». Традиционные исследователи холокоста рассматривали истоки и последствия этого явления, избегая подобной детализации, будь то из благочестия либо из-за опасения обвинений в сенсационности. Подход Голдхагена в итоге дает возможность идентификации с жертвами. Младшее поколение немцев, соглашаясь с мнением Голдхагена, оказывается на стороне обвинителей, а не обвиняемых.

Книга Голдхагена оказалась одновременно в двух дискурсивных полях. Историки рассматривали ее как научную работу и критиковали с научной точки зрения. Леволиберальная общественность рассматривала труд Голдхагена как еще одну главу в истории «примирения с прошлым». Безусловно, позитивным эффектом книги было то, что она ускорила развитие в обеих этих сферах. Труд Голдхагена вызвал целый ряд новых вопросов и исследований и открыл новые аспекты в изучении холокоста, — прежде всего ментальную детерминированность произошедших в XX в. событий.

Таким образом, резонанс, который вызвала книга Голдхагена в медиаполитическом дискурсе, значительно превысил резонанс выборочного историографического сюжета. Почти два года после публикации книги продолжались исторические и общественные дебаты. Это позволяет сказать, что продолжительное обсуждение «контрверзы Голдхагена» стало частью более старого и пространного обсуждения «политики памяти», важной вехой в процессе длительного и мучительного «преодоления прошлого» историками и обществом ФРГ.

ЛИТЕРАТУРА

- Блюм Х. Насколько плохими были немцы? URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/97/blum.htm>.
- Борозняк А. И. Националсоциализм — вторая история. Преодоление — интерпретация — память // Nationalsozialismus — die zweite Geschichte. Überwindung — Deutung — Erinnerung. — München, 2009. URL: <http://www.perspectivia.net>.
- Alles und nichts erklärt // Der Spiegel. 1997. № 34.
- Augstein R. Der Soziologe als Scharfrichter // Der Spiegel. 1996. № 16.
- Benner T., Köster C. R. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen. 1997. № 26 (1). S. 55—64.
- Birn R. B. Revising the Holocaust // The Historical Journal. 1997. № 40/1. P. 195—215.
- Briefe an Goldhagen: Eingeleitet und beantwortet von D. Goldhagen. — Berlin, 1997.
- Broszat M. „Holocaust“ und die Geschichtswissenschaft // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1979. H. 2. S. 285—299.
- Browning C. Dämonisierung erklärt nichts // Zeit. 1996. № 17.
- Creig G. A. Ein Volk von Antisemiten? // Zeit. 1996. № 20.
- Finkelstein N. G., Birn R. B. Eine Nation auf dem Prüfstand: Die Goldhagen These und die historische Wahrheit. — Hildesheim, 1998.
- Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / hrsg. Von J. Heil u. K. Erb. — Frankfurt/M, 1998.
- Gilcher-Holtey I. Die Mentalität der Täter // Zeit. 1996. № 24.
- Goldhagen — ein Quellentricksen? // Der Spiegel. 1997. № 33.
- Goldhagen D. Das Versagen der Kritiker // Zeit. 1996a. № 32.
- Goldhagen D. J. Auszüge aus „Hitler's Willing Executioners“ // Zeit. 1996b. № 16.
- Goldhagen D. J. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. — Berlin : Siedler-Verlag, 1996c.
- Goldhagen und die deutsche Linke oder die Gegenwart des Holocaust. — Elefanten Press Berlin, 1997.

Habermas J. Warum ein „Demokratiepreis“ für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Zeit. 1997. № 16.

Herbert U. Academic and Public Discourses on the Holocaust: The Goldhagen Debate in Germany // German Politics and Society. 1999. № 4.

Herbert U. Aus der Mitte der Gesellschaft // Zeit. 1996. № 25.

Holocaust als Andachtsbild: Interview mit NS-Expertin Ruth Bettina Birn über Daniel Goldhagens Attacken auf Kritiker // Der Spiegel. 1997. № 46.

Im Kreuzfeuer: Der Fernsehfilm „Holocaust“. Eine Nation ist betroffen. — Frankfurt/M, 1979.

Jäckel E. Einfach ein schlechtes Buch // Zeit. 1996. № 21.

Küntzel M. Goldhagen und die gewöhnliche deutsche Linke // Junge Welt, 21. März 1997.

Mommsen H. Die dünne Patina der Zivilisation // Zeit. 1996a. № 36.

Mommsen H. Hans Mommsens Antwort auf Daniel Jonah Goldhagen: Der Antisemitismus war eine notwendige, aber keineswegs hinreichende Bedingung für Holocaust // Die Zeit. 1996b. 30.08.

Naumann K. Goldhagens Anstoß // Zeit. 1997. № 11.

Pohl D. Die Holocaustforschung und Goldhagen Thesen // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1997. H. 1. S. 1—48.

Schneider M. Die „Goldhagen-Debatte“: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft. — Bonn, 1997.

Schoeps J. H. Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust. — Hamburg : HoffmanundCampe, 1996.

Sentker A. Deutscher Irrtum // Zeit. 1996. № 35.

Ullrich V. Die Deutschen — Hitlers willige Mordgesellen: Ein Buch provoziert einen neuen Historikerstreit: Waren die Deutschen doch alle schuldig? // Zeit. 1996a. № 16. S. 89—92.

Ullrich V. Goldhagen ohne Ende. Die neue Kritik entwertet die Holocaust-Studie nicht // Zeit. 1997. № 35.

Ullrich V. Vertraute Töne. Der Goldhagen-Streit erinnert an die Fischer-Kontroverse // Zeit. 1996b. № 25.

Ullrich V. Daniel J. Goldhagen in Deutschland: Die Buchtournee wurde zum Triumphzug // Zeit. 1996c. № 36.

Ullrich V. Goldhagen-Debatte: einmütige Verdammung wie bei Fischer. Der Goldhagen-Streit erinnert an die Fischer-Kontroverse // Zeit. 1996d. № 24.

Was dachten die Mörder? Der US-Politologe Daniel Jonah Goldhagen über den Streit um sein Holocaust-Buch und das Bild der Täter // Der Spiegel. 1996. № 33.

Was uns 2011 erwarten könnte: Debatten-Führer für Deutschland // Der Tagesspiegel. 2010. 31.12.

Wehler H.-U. Goldhagen-Debatte: Wie ein Stachel im Fleisch // Zeit. 1996. № 22.

Wieso kann eine Debatte wichtiger sein als ihr Gegenstand. URL: <http://www.uni-potsdam.de/u/putz/jan97/13.htm>.

Zum 40. Jahrestag der Beendigung des Krieges in Europa und der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft. Ansprache des Bundespräsidenten Richard von Weizsäcker am 8. Mai 1985 in der Gedenkstunde im Plenarsaal des Deutschen Bundestages. URL: http://www.hdg.de/lemo/html/dokumente/NeueHerausforderungen_redeVollstaendigRichardVonWeizsaecker8Mai1985/.

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. В. Н. Земцов